

Пярт Арво.
(Юбилей)

73 02 05.

юбилей

Галерея 2005 13 сент С. 24

На реках на эстонских

70 лет Арво Пярту

Илья Овчинников

Альфред Шнитке, Гия Канчели, Арво Пярт: когда-то каждый из них в той или иной степени олицетворял молодой советский авангард. Со временем лучшие их сочинения навсегда вошли в историю музыки, а сами мастера переехали в Европу. Удивительно, что столь яркие и непохожие друг на друга композиторы появились на свет практически одновременно: Пярт — последний из троих, чье 70-летие отметил музыкальный мир за последний год. Юбилею Пярта были посвящены два концерта, состоявшиеся в залах Консерватории.

В обширной дискографии Арво Пярта есть любопытный CD, на котором записано пять ранних сочинений: виолончельный концерт «Pro et contra», пьеса «Perpetuum mobile» плюс три симфонии (дирижер — Неэме Ярви). Запись длится немногим более часа и пролетает так быстро, что хочется слушать ее вновь и вновь: произведения, написанные тридцать-сорок лет назад, и сегодня звучат на редкость свежо. Десятиминутный «Pro et contra» отражает, как в капле воды, сложные отношения музыки XX века с предыдущими эпохами: пафосное вступление и чересчур триумфальный финал имитируют разом всю «классику вообще», вызывая невольный смех, тогда как звучащий посередине хаос не менее гротескно изображает «авангард». Короткая интерлюдия — «Perpetuum mobile» — словно онеггеровский «Pacific 231», только написанный в 1960-е. Симфонии, первая из которых начинается чуть ли не в стиле джаз-рок, создавались с перерывом в три и пять лет соответственно. Как абсолютную ценность их воспринимает слушатель — но не автор, ибо для него каждая из них служила лишь очередным доказательством исчерпанности избранного языка.

Для иногго композитора подобная подборка представляла бы собой the best, которым можно по праву гордиться. Для Арво Пярта это лишь давние эксперименты, имеющие мало общего с творческим методом, взятым на вооружение в середине 1970-х и актуальным до сих пор. Новый стиль получил название tintinnabuli («колокольчики»), что означало на деле радикальный поворот к благозвучию и умеренности: «бегство в добровольную бедность», как позже выразился композитор. Здесь эстонец Пярт оказался близок грузину Канчели с его «тихой медленной музыкой» и киевлянину Сильвестрову с его «слабым» стилем и тяготением к жанру постлюдии, то есть абсолютного финала: в этой технике Пяртом были созданы любимые публикой «Tabula rasa» и пережившая восемь (!) редакций «Fratres». Классическая ныне «Tabula rasa» была написана по заказу Гидона Кремера и предназначалась к исполнению в одной программе со знаменитым Концерто grosso № 1 Шнитке, появившимся в том же 1977 году; схожим был и состав — две скрипки, подготовленное фортепиано, струнные.

Чисто инструментальные сочинения со временем стали вытесняться опусами с участием хора и солистов, носящими характерные названия: «De profundis», «Te Deum», «Stabat Mater», «Miserere», «Magnificat», «Johannes-Passion», «Богородице Дево», «На реках Вавилонских». Первой на этом пути стала кантата «Credo» (1968) для фортепиано, хора и оркестра; в ее основу лег текст Нагорной

проповеди, из-за чего исполнение кантаты в Советском Союзе было запрещено. Некоторые из названных произведений прозвучали в Консерватории в день рождения композитора. Открывая вечер, протоиерей Всеволод Чаплин заметил, что музыке Пярта в нашей стране уделяется незаслуженно мало внимания, и выразил надежду, что юбилейный год сможет изменить эту ситуацию к лучшему. Усомниться в этом, увы, можно уже сейчас: год назад практически то же говорилось по поводу наследия Альфреда Шнитке, однако в грядущем сезоне его музыка будет звучать в Москве не чаще, чем звучала раньше.

Но если юбилею Шнитке было посвящено более десятка программ с участием лучших исполнителей музыки композитора, то Пярту не достанется и этого: два концерта в его честь организованы сравнительно скромными силами, среди которых нет ни Филармонии, ни Московского международного дома музыки. Нет ни Гидона Кремера с Татьяной Гринденко, когда-то создававшей эталонную запись «Tabula rasa», ни «Виртуозов Москвы», выпустивших год назад целый диск сочинений Пярта. В стороне и Государственный национальный оркестр, в свое время исполнявший в Москве Первую симфонию, «Arbos» для духовых и ударных, а также псалом «Como cierva sedienta». Добросовестно тянет ляжку лишь давний друг и соратник юбиляра Андрес Мустонен — весной он дирижировал в столице Третьей симфонией, а в ноябре Пярт будет звучать в программе его знаменитого ансамбля Hortus musicus. Не забудем также Алексея Любимова и ансамбль «Студия новой музыки», подготовивших к юбилею еще одну программу.

Таким образом, в день рождения композитора «удар» приняли на себя Свято-Никольский хор Третьяковской галереи и камерный оркестр «Времена года» — основу концерта составили хорвые сочинения. «Solfeggio» и «Magnificat» исполнялись без сопровождения, в остальных же больший интерес вызывала скорее инструментальная часть, нежели хоровая. Так, органная партия в «De profundis» явно отсылала к Баху, напомнив о том, что Пярт упражнялся в полистилистике еще до Альфреда Шнитке, создав свой «Коллаж на тему В-А-С-Н». Увы, эмоциональная и надрывная манера хора не слишком подходила к сдержанной музыке Пярта; по замечанию моей коллеги, такая интерпретация была бы более адекватна «Поэме памяти Сергея Есенина» Георгия Свиридова. Есбор репертуара оказался односторонним, а исполнение — старательным, и не более того; нам явился не столько портрет Пярта, сколько штрихи к нему. Хорошо бы в течение сезона портрет дорисовать.